

МРНТИ 18.31.07

А. Ж. САРСЕМБАЕВА¹

¹ Казахская национальная академия искусств
им. Т. К. Жургенова
(г. Алматы, Казахстан)

А. А. ЖУБАНОВА²

² Центр развития человеческих ресурсов
«ZhubanovPractise»
(Алматы, Казахстан)

СОВРЕМЕННОЕ НОМАДИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК, МЕНТАЛЬНОСТЬ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

СОВРЕМЕННОЕ НОМАДИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК, МЕНТАЛЬНОСТЬ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

Аннотация

Ментальность народа наиболее ярко проявляется в его искусстве, культуре, традициях. Художник-номад является выразителем казахской кочевой ментальности. Во внутреннем мире художника-номада господствует своя неповторимая связь художественных образов, смыслов, символов. В ментальности номадического художника в концентрированном виде содержится духовный опыт казахского кочевого народа, его культурно-исторические связи и потенциал. Образное выражение казахской национальной ментальности мы наблюдаем в поэтическом и художественном творчестве нашего народа. Язык искусства, являясь знаковой системой особого рода, осуществляет коммуникацию человека и социума во времени и пространстве, воздействует на ментальность общества, формирует его эстетические, культурные и нравственные каноны.

Ключевые слова: художник-номад, ментальность, язык искусства, культура, национальная традиция, духовный опыт, изобразительное искусство, творчество, поэтический язык, художественный образ, символ.

Введение

Казахская культура – самобытная культура, большая часть общетюркской культуры. Внутреннюю целостность кочевой культуры на примере поэтического творчества казахского народа отмечал еще Ч. Валиханов. Ученый, обращая особое внимание на невероятную точность поэтического исполнения образцов казахского устного народного творчества, удивлялся, с какой свежестью сохранили казахи свои предания и поверия, и «еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги», передавались «одинаково и при сличении были буквально тождественны, как списки одной рукописи». По словам ученого, «это действительный факт, не подлежащий сомнению» [1, с. 391].

Методы

В настоящей статье представлен взгляд на поэтический язык и ментальность художника-номада в рамках междисциплинарной исследовательской парадигмы, т. е. научное осмысление понятия «ментальность» находится на стыке таких наук, как искусствоведение, языкознание, литературоведение, культурология, история, философия, психология. Изучение художественных и поэтических произведений представителей кочевого народа позволяет представить современного художника-номада как носителя специфической и уникальной закодированной информации. Изобразительный язык, художественные образы, символы, смыслы кочевника-творца, отражающиеся в изобразительном и поэтическом искусстве, – основные творческие

способы и средства, благодаря которым мы познаем ментальность кочевого народа, его воззрения на мир, окружающую действительность, общество, внутреннюю природу. Основным способом мировидения и мироощущения кочевника является созерцание. В статье К. Нурлановой «Символика мира в традиционном искусстве казахов» находим подробную и всестороннюю характеристику созерцания как способа взаимоотношения с миром: «Созерцание как традиционная культура отношений к миру и с миром имеет многоуровневые содержательности. Прежде всего следует сказать о созерцании как мироотношении, способе освоения природы, Вселенной, которые выражались в отношениях общения. Здесь, конечно, имеется в виду созерцание Вселенной как бесконечности (Бухар-жырау), восприятие ее красоты, не подавляющей грандиозностью, но возвышающей-вдохновляющей (Казтуган), слушание-слышание музыки сфер Вселенной в ее бесконечном движении». Абсолютное согласие вызывает мнение автора, что «созерцание как богатая мироотношенческая культура имела место, благодаря, главным образом, развитию воображению» [2, с. 78].

Дискуссия

Художники-номады внесли значительный вклад в мировое изобразительное искусство, создав скифский звериный стиль. С. Акатаев считает, что в зооморфном характере искусства проявляется «единство его содержания и внутренней формы, когда духовное и конкретно-чувственное воплощение, овеществление идеи находятся в неразрывном единстве,

представляя явление как целостность». Классический кочевнико-скифский «звериный» стиль сохраняется в период древних тюрков, кочевников средневековья и нового времени «в виде животного орнамента, широко распространенного и поныне в народном искусстве казахов и других народов Средней и Центральной Азии». С. Акатаев подчеркивает, что, несмотря на то, что содержание искусства кочевников, будучи социальной практикой, изменяется, «форма, сохранив свою относительную самостоятельность, проявляет известную внутреннюю устойчивость», в которой наблюдается «наличие определенного традиционализма и консервации канонов формообразований». Отмечая высокое эстетическое начало казахского кочевого искусства, С. Акатаев пишет: «Духовная жизнь казахской нации получила в наследство от прошедших поколений самобытную культуру, способную не только воссоздать окружающий мир собственными художественными средствами в соответствии с собственным миропредставлением, но и обогащаться и развиваться в процессе взаимодействия с культурами других народов» [3, с. 56].

Кочевая ментальность в концентрированном виде эксплицируется в творчестве современных казахских мастеров изобразительного искусства и художественного слова. Так, ярким представителем кочевой культуры, по нашему мнению, является Олжас Сулейменов. В творчестве нашего современника мы видим образы, созданные под влиянием черт евразийской ментальности. В творчестве О. Сулейменова ярко

проявляются традиции поэзии акынов и батыров. Часто в русскоязычном тексте можно наблюдать художественно-изобразительные средства, выходящие за пределы русской поэтики. При чтении русскоязычного произведения, написанного этнически казахским писателем, можно заметить, что автор вносит в систему образного строя русскоязычного произведения культурные традиции казахского народа, которые приобретают в произведении особую национальную неповторимость. О. Сулейменов использует разные речевые единицы, которые могут быть непонятны представителям русской культуры. Языковая личность поэта определяется взаимодействием и взаимовлиянием двух языковых картин мира – русской и казахской, поэтическое сознание поэта синтезировало художественный опыт двух культур и цивилизаций. Исследователи творчества поэта отмечают, что поэзия О. Сулейменова – богатый материал для обнаружения всех слагаемых лингвоментальности. «Для его произведений характерны удивительная метафоричность, яркие образы, пестрые эпитеты, которые являются стимулом для проявления эмоции и экспрессии; эмотивность стилистических конструкций, их частая безглагольность, звуковые повторы, от которых поэтические строки становятся беспокойными, зримыми, впечатляющими...» [4, с. 99].

Результаты

В художественном контексте О. Сулейменова синтезированы традиции тюркской (казахской) и русской литературы: в произведениях соединяются традиции русского и казахского стихосложения; поэт

часто использует в своем творчестве стилистические приемы тюркской литературы. Среди них – использование синтаксических повторов, ритмико-синтаксического параллелизма, широкое употребление метафор и метонимии, сочетание тюркских (казахских) элементов с русскими лексемами, сочетание традиций русского и казахского стихосложения и т. д. В поэзии О. Сулейменова наблюдается соединение двух разноструктурных языковых систем, выраженное средствами одного языка, этнически неродного – русского. Прием словесного повтора, анафоры и эпифоры традиционно использовался казахскими акынами с древности до наших времен, придавая экспрессивность стихотворной речи, усиливая ее выразительность. Анафорические конструкции в поэтическом дискурсе О. Сулейменова можно рассматривать с позиции когнитивной лингвистики как разновидность антропоцентристского концептуального мировидения и мировосприятия, созданного наложением национального казахского и русского менталитетов. В творчестве О. Сулейменова ориентированность на две культурные и литературные традиции обнаруживается в фактах поэтического языка: соединение русского (силлаботонического) стихосложения и казахского тонического. Многие исследователи называют О. Сулейменова продолжателем традиций В. Хлебникова, В. Маяковского (оформление стихотворений «лесенкой», обращение к ударному декламационно-тоническому стихосложению, использование ритмических пауз, переносов). В творческом контексте О. Сулейменова наблюдается активное использование

древнерусских слов (ошую, омега, резы), а также сочетание древнетюркских, арабских и персидских элементов речи с русскими лексемами (хаджа, чалма, Коран и другие). Казахскую лексику поэт использует для передачи своего национального мировосприятия. Тюркские заимствования подчиняются фонетическому и грамматическому строю русского языка. В поэзии О. Сулейменова объединяются традиции казахской акынской поэзии, фольклорные образы, сюжеты и русские поэтические традиции, используются не только лексические, но и синтаксические казахизмы (белое слово – ақсөз; айналайн и другие). Созданные поэтические образы отражают непосредственное влияние казахских поэтических формул, выходящих за пределы русской поэтики («айналайн», «меч обнаженный», «ощипанный кречет»). Многие строки могут показаться непонятными для представителей другой культуры:

*Если с материнским молоком
Это зло в тебя вошло здоровьем,
Добрый тебя сделать нелегко всем
земным,
Вселенским всем коровам.*

В поэзии О. Сулейменова для эмоционального возвышения, воздействия на читателя часто используются риторические вопросы, восклицания, являющиеся стилистическими приемами тюркской литературы. Для лирического усиления впечатления используются синтаксические повторы, а также звуковые повторы. О. Сулейменов использует звукопись, для которой характерны отдельные звуки и их сочетания. Таким образом, в поэзии О. Сулейменова обнаруживается сплав казахского и русского начала.

Созданные на этнически неродном языке произведения являются частью национального и общелитературного процесса. Выражения из казахского языка являются элементами обогащения языка деятельности (русского языка) и соответствующего национального менталитета. В последнее десятилетие исследователи обсуждают концепцию О. Сулейменова о новом подходе к этимологии как науке о происхождении слова. Олжас Сулейменов предлагает рассматривать слово в его генетической связи с графическим знаком-первоиероглифом. Автор новой гипотезы считает, что любая письменность в истории человечества зарождалась как знаковая система, в первую очередь выражающая религиозную идеологию; древнейшие религии (муническая и соляная) были «запечатлены» в протоиероглифах, спустя тысячелетия породивших символические и рисованные иероглифы и – впоследствии – образную письменность; до наступления первого постписьменного периода первописьмо играло языкообразующую роль в жизни человека; все языки вышли из диалектов единого языка «малого человечества», промежуточной прародиной которого стало Древнее Средиземноморье. Эти тезисы определяют содержание и научный пафос создаваемого им «Универсального этимологического словаря «1000 и 1 слово» [5, с. 126], [6, с.166], [7, с. 128].

В контексте рассматриваемой темы огромный интерес представляет выставка Санжара и Жанель Жубановых «Номадическое сердце». Художники заводят зрителя в мир древней номадической культуры. Знакомство с мировоззрениемномада может помочь,

по мнению авторов художественных произведений, в гармонизации экологических и психологических сторон жизни современного человека. В экспозиции «Номадическое сердце» объединены несколько видов искусств. Это живописные портреты жителей яблочного города, гравюры на камне, звёздная графика и номадическая поэзия.

Неповторимость художественных форм и образов номадической ментальности, дух Великой степи, связь времен, процесс сотворчества Природы-творца и человека-Природы, картины ясности, безмятежности, искренности – все это вы увидите, открыв сердце в мир номадических художников. Процесс создания графики и гравюр всегда идёт параллельно, поэтому произведения С. Жубанова можно рассматривать как в единстве, так и по отдельности. Рисунки на бумаге и на камне выполнены с помощью мелкоточечных ударов (так же, как и у художников каменного века).

Поэтические строки Санжара Жубанова передают атмосферу представленной экспозиции:

*Внутри моего сердца
Всегда есть:
Бесконечные расстояния
Бескрайней Степи,
Свет ночных звёзд
И небесные тропы
К сверкающим вершинам,
Выносливые кони
И свободные всадники,
Властно втягивающий взор
Космический орнамент,
Музыка ветра
И блеск подков,
Дух предков,
Дух моих предков,
Созерцание вечности*

*И воинская доблесть,
Мать-Земля,
Отец-Небо.
Преданность...
Преданность...
Преданность...*

Авторы выставки, потомки династии Жубановых – Санжар и Жанель – говорят со зрителем на своем собственном художественном языке. Санжар Жубанов до настоящего времени был известен как детско-юношеский тренер и практик боевых искусств. Жанель Жубанова – художник-живописец, лауреат международных конкурсов, руководитель детской арт-студии. С. Жубанов говорит о выставке: «Главный посыл художественных произведений – счастье осознавать, что человек, родившийся в дикой Природе, хорошо ощущает свою удивительную, ни на кого не похожую историю, воплощает идеи, заложенные в те далекие тысячелетия, когда номады сокращали расстояния в пространстве, Землю называли Матерью, Небо – Отцом, а время воспринимали как Бесконечность

*На равных с ветром и соснами,
Нет нужды следовать за кем-то,
Живу на Природе сам по себе,
Сам по себе являюсь природой.*

Эти поэтические строки собственного сочинения стали лейтмотивом моего творческого пути».

Процесс создания графических картин является для художника практикой внутреннего созерцания. Картины созданы в технике «звёздная графика». Термин, как и способ исполнения, открыт после десяти лет опыта ментального рисования. Изображения наносятся точками. Эти точки воспринимаются как начала пространства и времени. Они

могут быть точками отсчёта, точками соприкосновения, ключевыми точками. С. Жубанов рассказывает о своем творческом процессе: «Когда я поднимаю голову в ночное небо, вижу миллионы звёзд, и все они светят своим светом, и этот свет доходит до меня. Я принимаю этот свет. Вслед за этим начинаю наносить свои точки на бумагу. Точка позволяет мне отобразить процесс жизни, в котором я нахожусь. Однажды я понял, что, рисуя точками, оказываюсь в медитативном процессе, в тишине которого можно услышать себя. Миллионы точек рассказывают историю моих прошлых воплощений и сегодняшнюю жизнь».

Гравюры на камнях С. Жубанова, по мнению казахстанских учёных-археологов, являются свидетельством возрождения и продолжения тысячелетней традиции. Важным и сложным этапом в процессе создания художественного произведения является поиск камня. Вот что говорит художник о процессе создания петроглифов: «При создании своих рисунков я использую камни с пустынным загаром (или патиной), возникшим от воздействия солнца за многие тысячи лет. Техника изображения гравюр на камнях также древняя. Сбивая патину и приближаясь к натуральному цвету камня, художники-кочевники создавали свои рисунки на камнях и скалах. Гравюры я выбиваю вручную. Восхитившись эстетикой ранних кочевников и получив вдохновение от погружения в эту удивительную эпоху, я продолжаю традицию своих далёких предков».

Процесс создания картины «Рисую светом утренних звёзд...» (Рисунок 1) является для автора практикой внутреннего созерцания, о котором С. Жубанов говорит таким образом: «Время

для рисования – предрассветные часы суток, когда вся природа начинает просыпаться, а звёзды растворяются в утреннем свете. В центре композиции расположен архар (горный баран), стоящий на кончиках копыт, его рога закручены в спираль, которая приводит в движение созвездия. Вокруг архара крутятся потоки Млечного пути. Закрученные рога тотемных животных - архара, благородного оленя, горного козла – означают сгусток небесной энергии, приносящий человеку благодать.

На картине «Утро номада» мы также наблюдаем (*Рисунок 2*) номадический сюжет..

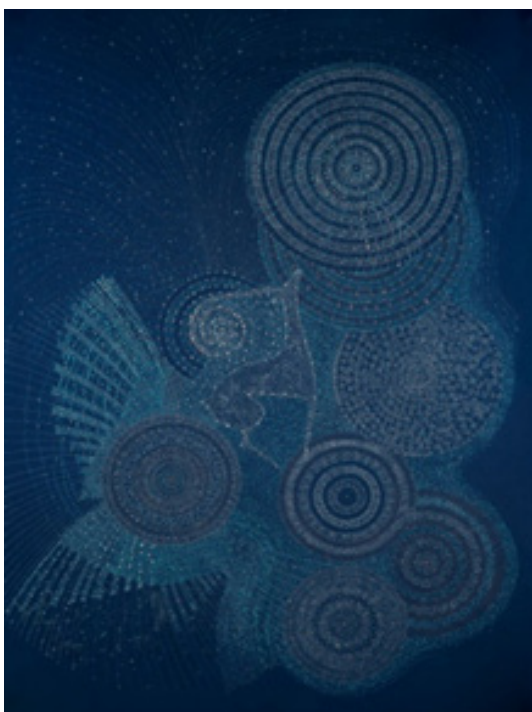

Рисунок 1. «Рисую светом утренних звёзд...». Картина художника С. Жубанова.

Рисунок 2. «Утро номада». Картина художника С. Жубанова.

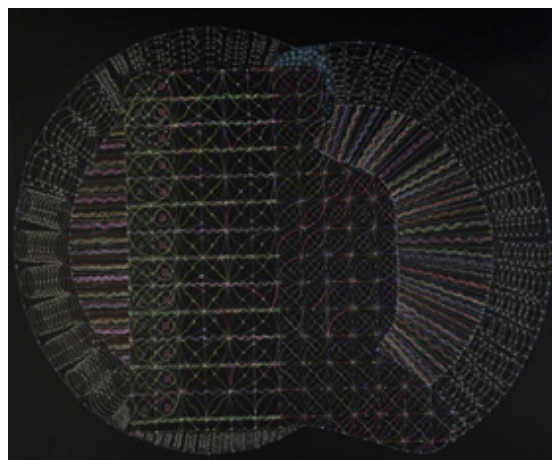

Рисунок 3. «Reincarnatio». Картина художника С. Жубанова.

На картине «Reincarnatio» (Рисунок 3) изображён опыт, который автор переживает во время ежедневной медитации. Зритель видит человека в процессе созерцания своей внутренней природы и циклических перерождений. Пульс жизни графически изображен подобно кардиограмме и представлен в виде цветных волн. Структура ментального тела состоит из Цветка Жизни (Floweroflife), главного символа сакральной геометрии. Энергетические вибрации образуют знак Бесконечности. Эфирное тело растворяется в потоках, открывая перерождения. В центре тела проходит граница между двумя мирами. Автор рассказывает о своей 40-летней практике боевых искусств Востока, где точка является ключевым методом тренировки внимания. Этот метод сканирования своего прошлого, настоящего и будущего приводит к осознанной жизни.

Рисунок 4. Гравюра на камне «Воин Света». Художник С. Жубанов.

Гравюра на камне «Воин Света» (Рисунок 4) является свидетельством возрождения древнейшей традиции, насчитывающей минимум 5000 лет. Камень, на котором представлено сакральное изображение, редкий. Важным и сложным этапом в процессе создания художественного произведения явился поиск камня. Покрытый пустынным загаром, возникшим от воздействия Солнца за

многие тысячи лет, камень найден на берегу высокогорного озера на Тянь-Шане. На поверхности камня выбит скифский олень. Изображение оленя имеет древнюю историю, расцвет которой приходится на период ранних кочевников, творивших на территории Центральной Азии. В культуре кочевников олень – солярный персонаж, а его рога олицетворяют солнечные лучи. Это мифологический образ оленя-птицы, образец скифского звериного стиля. Оригинал данного тотема находится на Алтае. Техника изображения гравюры на представленном камне также древняя. Сбивая патину и приближаясь к натуральному цвету камня, художники-кочевники создавали свои рисунки на камнях и скалах. Гравюра выбита вручную с помощью художественного инструмента скальпеля.

Восхитившись эстетикой ранних кочевников и получив вдохновение от погружения в эту удивительную эпоху, Санжар Жубанов продолжил традицию изображения солярных знаков. Главный посыл художественного произведения – это счастье осознавать, что человек, родившийся в дикой Природе, хорошо ощущает свою удивительную, ни на кого не похожую историю, воплощает идеи, заложенные в те далекие тысячелетия, когда кочевники сокращали расстояния в пространстве, Землю называли Матерью, Небо – Отцом, а время воспринимали как Бесконечность.

Всё верно –

Такой выдумки как time

Здесь нет.

Мы в Бесконечности,

В свободном потоке

Прошиваем три мира насквозь.

Этими поэтическими строками автор передаёт мировоззрение своих предков. Современные гравюры

на камнях Санжара Жубанова подтверждают мысль М. Элиаде о том, что культурная память – «непрерывно функционирующее реконструирующее воображение» [8, с. 50]. В контексте нашего исследования актуальны и важны взгляды исследователей искусства кочевников: «Традиционная картина мира во всей своей полноте находит выражение в символике традиционного искусства. Изображение грифонов, свернувшихся в кольцо пантер, барсов и оленей, застывших в броске, в полете, сцены сражений диких зверей и птиц, запечатленные на скалах и стенах, ... – все это мощное с многочисленными ответвлениями искусство, известное как искусство «звериного стиля» кочевников ... отражает не только социальный уклад, но и мироощущение кочевых обществ. В статичном материале «оленьих камней» изображены дикие звери в состоянии стремительного движения – броска, прыжка, полета. Обе составляющие этого единства – движение и статика – так сильны и контрастны, что только воображение художника могло слить и соединить их в органическом и целостном единстве» [2, с. 98].

Картины молодой казахстанской художницы Жанель Жубановой, наполненные огромной любовью к своей Земле и своему народу, также пронизаны номадической ментальностью. В живописных полотнах Ж. Жубановой мы наблюдаем своеобразное «оживление» кочевой культуры через переосмысление казахских традиционных орнаментов. Персонажи картин – это наши современники. Цикл своих портретов Жанель назвала «Жители яблочного города». Жителей своего родного города художница изображает на фоне

традиционных казахских орнаментов.

По характеру художественной образности орнамент является глубоко содержательным и философским способом экспликации номадического мировоззрения. С помощью орнаментов художники-номады выражали образное постижение действительности. Е. Кожабаев в своем фундаментальном труде «Казахский орнамент как пиктограмма тенгрианской культуры и комбинаторика его модулей в современном дизайне» подчеркивает, что до сих пор недостаточно изучены «элементы казахского орнамента, в которых отразились космогонические, астральные, проторелигиозные и философские представления наших предков». В должной мере не исследованы «связи казахского орнамента с подобными представлениями соседних народов, с которыми в далекие времена контактировали казахские роды». Ведь, по словам Е. Кожабаева, «именно в орнаменте сохранилась та родовая нить, которая связывает нас с древними пластами нашей истории». Исследователь казахского орнамента считает, что художественное ремесло как направление художественной практики в большей степени базируется на принципах интерпретации сложившихся канонов. Основные геометрические фигуры, в которые заключены узоры казахского орнамента, – круг, треугольник, квадрат. Кроме того, в казахском орнаменте можно увидеть сюжеты древних мифов, т.к. он является абстрагированным и системным продолжением сакско-скифского звериного стиля [9, с. 69].

На картинах «Вкусное молочко!» (Рисунок 5) и «Дитя и райское яблочко» (Рисунок 6) мы видим современный

образ матери, изображенный на фоне орнамента «Улы Ана», символизирующего ребенка в утробе матери. На картинах «Ход конем» (Рисунок 7) и «Батырхан – повелитель воинов» (Рисунок 8) – персонажи современных казахских мальчиков на фоне казахских зооморфных орнаментов.

Рисунок 5. «Вкусное молочко!». Е. Кожобаев

Рисунок 6. «Дитя и райское яблочко». Е. Кожобаев

Рисунок 7. «Ход конем». Е. Кожобаев

Рисунок 8. «Батырхан – повелитель воинов»
Е. Кожобаев

Особенно актуальны и понятны в контексте нашей темы мысли К. Нурлановой о казахском орнаменте: «Казахский орнамент, запечатлевший своеобразную летопись народа,

выражает отношение к миру. Роль и значение узора в жизни казаха можно сравнить только с песней и словом» [2, с. 75].

Заключение

Таким образом, в ментальности номадического художника в концентрированном виде содержится духовный опыт казахского кочевого народа, его культурно-исторические

связи и потенциал. Образное выражение казахской национальной ментальности мы наблюдаем в поэтическом и художественном творчестве нашего народа. Язык искусства, являясь знаковой системой особого рода, осуществляет коммуникацию человека и социума во времени и пространстве, воздействует на ментальность общества, формирует его эстетические, культурные и нравственные каноны.

Литература:

1. Валиханов Ч. Собр. соч. Т.1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. – С. 391.
2. Нурланова К. Символика мира в традиционном искусстве казахов // Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. – Алматы: Гылым, 1993. – 264 с.
3. Акатаев С. О специфике культуры кочевья // Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. – Алматы: Гылым, 1993. – 264 с.
4. Жуминова А. Б. Тезаурус языковой личности поэта О. Сулейменова : дис. канд. фил. наук. – Алматы, 2004 г. – 152 с. Рукопись.
5. Какильбаева Э. Т. Национальный менталитет в стихах русскоязычного поэта Олжаса Сулейменова // Языки. Культура. Перевод : материалы III международного научного форума. – Афины (Греция), 19–25 июня 2015 г. – Москва, 2015. – С. 126 –135.
6. Сулейменов О. О. Утро этимологии (novello) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. – 2018. – Т. 15. – С. – 166 – 168.
7. Сулейменов О. О., Бахтикиреева У. М., Джусупов М., Валентинова О. И., Дихтяр С. В., Дубровина М. Э., Валикова О. А., Исмаилов Г. М. Код слова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. – 2018. – Т. 15. – С. 128 – 165.
8. Элиаде М. Космос и история. – Москва: Прогресс, 1987. – 312 с.
9. Кожабаев Е. Казахский орнамент как пиктограмма тенгрианской культуры и комбинаторика его модулей в современном дизайне. – Алматы: Мектеп, 2015. – 339 с.

A. Ж. Сарсембаева

*Т. Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы
(Алматы, Қазақстан)*

A. A. Жубанова

*«Zhubanov Practise» адами ресурстарды дамыту орталығы
(Алматы, Қазақстан)*

**ЗАМАНУИ КӨШПЕНДІЛЕР ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫ: КӨРКЕМ ТІЛ, МЕНТАЛДЫЛЫҚ,
БЕЙНЕЛЕУ ҚҰРАЛДАРЫ****Аңдатпа**

Халықтың менталдылығы оның өнерінде, мәдениетінде, дәстүрінде айқын көрінеді. Суретші-номад қазақ көшпелі менталитетінің мәнері болып табылады. Көшпелі суретшінің ішкі әлемінде көркем бейнелердің, мазмұнның, символдардың қайталанбас байланысы басым. Сонымен қатар, көшпелі суретшінің менталдылығында көшпелі қазақ халқының рухани тәжірибесі, оның мәдени-тарихи байланыстары мен әлеуеті бар. Қазақ ұлттық менталдылығының көркем көрінісін біз халқымыздың поэтикалық және көркем шығармашылығында байқаймыз. Өнер тілі ерекше түрдегі маңызды жүйе бола отырып, уақыт пен кеңістікте адам мен әлеуметтің коммуникациясын жүзеге асырады, қоғамның менталдылығына әсер етеді, оның эстетикалық, мәдени және адамгершілік канондарын қалыптастырады.

Тірек сөздер: көшпелі суретші, менталдылық, өнер тілі, мәдениет, ұлттық дәстүр, рухани тәжірибе, бейнелеу өнері, шығармашылық, поэтикалық тіл, көркем сурет, символ.

A. Zh. Sarsembayeva

*T.Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts
(Almaty, Kazakhstan)*

A. A. Zhubanova

*The center for human resources development «ZhubanovPractise»
(Almaty, Kazakhstan)*

CONTEMPORARY NOMADIC CREATIVITY: ARTISTIC LANGUAGE, MENTALITY, VISUAL MEDIA**Abstract**

The mentality of the people is most clearly manifested in its art, culture and traditions. Nomad artist is the exponent of the Kazakh nomadic mentality. This article presents a view on the poetic language and mentality of the nomad artist within the framework of an interdisciplinary research paradigm, since the scientific understanding of the concept of "mentality" is at the junction of such sciences as art history, linguistics, literature studies, cultural studies, history, philosophy, and psychology. The study of the artistic and poetic works of representatives of the nomadic people allows us to present the modern nomad artist as a carrier of specific and unique coded information. Pictorial language, artistic images, symbols, notions of a nomad-creator, which are reflected in pictorial and poetic art, are the main creative ways and means by which we learn the mentality of the nomadic people, their views on the world, surrounding reality, society, internal nature. In the inner world of the nomad artist, its unique connection between artistic images, meanings, and symbols dominates. The mentality of a nomadic artist in a concentrated form contains the spiritual experience of the Kazakh nomadic people, its cultural and historical ties and potential. We observe the figurative expression of the Kazakh national mentality in the poetic and artistic creativity of our people. The

language of art, being a sign system of a special kind, communicates man and society in time and space, affects the mentality of society, forms its aesthetic, cultural and moral canons.

Keywords: nomad artist, mentality, language of art, culture, national tradition, spiritual experience, visual art, creativity, poetic language, artistic image, symbol.

Сведения об авторах:

Аида Сарсембаева — кандидат филологических наук, доцент кафедры «История Казахстана и социальные науки» Казахской национальной академии искусств им. Т. Жургенова (Алматы, Казахстан).
e-mail: aechkax777@mail.ru

Айнаш Жубанова — доктор филологических наук, креативный директор Центра развития человеческих ресурсов «Zhubanov Practise» (Алматы, Казахстан).
e-mail: ainash_chukueva@mail.ru

Автор туралы мәлімет:

Аида Сарсембаева — Т. Қ. Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы «Қазақстан тарихы және әлеуметтік ғылымдар» кафедрасының доценті, филология ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан).
e-mail: aechkax777@mail.ru

Айнаш Жубанова — филология ғылымдарының докторы, «Zhubanov Practise» адам ресурстарын дамыту орталығының шығармашылық директоры (Алматы, Қазақстан).
e-mail: ainash_chukueva@mail.ru

Authors' bio:

Aida Sarsembayeva — candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department «History of Kazakhstan and social Sciences» of the

T. Zhurgenov Kazakh national Academy of arts (Almaty, Kazakhstan).
e-mail: aechkax777@mail.ru

Ainash Zhubanova — Doctor of Philology, Creative Director of the Center for Human Resource Development «Zhubanov Practise» (Almaty, Kazakhstan)
e-mail: ainash_chukueva@mail.ru